

Глава 7

ВОЗРОЖДЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

7.1. Кризис теории равновесия и математической экономики

Три десятилетия после окончания Второй мировой войны, вплоть до 1975 г., были в нашей науке временем триумфа неоклассическо-кейнсианского синтеза и математических моделей равновесия. В этот период анализ с позиций теории равновесия стал основой экономической науки, хотя следует заметить, что в вопросе об использовании идеи равновесия экономисты разделились на два больших лагеря.

Один лагерь пошел за Самуэльсоном, который после публикации «Основ экономического анализа» (Samuelson 1947) присоединился к Хиксу в разработке неоклассическо-кейнсианского синтеза. Самуэльсон открыто принял теорию Ланге и Лернера о возможности рыночного социализма (Samuelson 1947, 217, 232), а тем самым и враждебное отношение к открытой Мизесом теореме о невозможности социализма. Более того, Самуэльсон поставил перед собой цель реформировать экономическую науку на основе широкого применения математического языка и в результате принял ряд упрощающих положений, которые почти целиком исключили из его модели богатство и сложность реальных рыночных процессов. На этом пути шаг за шагом средства анализа (математические методы) были смешаны с его содержанием, а синтаксическая ясность была достигнута ценой обеднения семантического содержания экономического анализа, вплоть до того, что не признавался научный статус самых реалистичных, но не использующих математику теорий. А так называемой литературной экономической теории было отказано в праве на существование (Boettke 1997, 11–64).

Теоретики этой группы, в которую вошли также Кеннет Эрроу, Джерард Дебрё, Фрэнк Хан, а позднее и Джозеф Стиглиц, приняли конкурентно-равновесную модель как нормативную, как идеальное состояние реальной экономической жизни. Поэтому когда они замечали, что реальные условия не соответствуют равновесию в условиях совершенной конкуренции, то воображали, что выявили ситуацию «провала рынка», оправдывающую немедленное вмешательство государства, которое должно сдвинуть ситуацию к идеалу, представленному моделью общего равновесия.

В оппозиции к первому лагерю сформировался второй, куда вошли теоретики равновесия, несмотря на это, являвшиеся сторонниками рыночной экономики. Ядро этой группы составляла чикагская школа, а среди ее ведущих авторов числились Милтон Фридмен, Джордж Стиглер, Роберт Лукас и Гэри Беккер, которых объединяла приверженность таким теоретическим принципам, как модель равновесия, принцип максимизации и допущение постоянства.

Реакция этих экономистов, которые хоть и были теоретиками равновесия, но защищали рыночную экономику от нападков первого лагеря, выступавшего с позиции «провалов рынка», состояла в указании на то, что модель равновесия достаточно точно описывает реальный мир, но, в соответствии с принципами школы общественного выбора, провалы государственного сектора всегда будет превосходить любые провалы частного сектора.

Теоретики чикагской школы считали, что этот подход обеспечивает им иммунитет от нападков теоретиков провалов рынка и что чикагский анализ доказывает ненужность государственного вмешательства в экономику. Поскольку, с точки зрения этой школы, реальный мир очень похож на модель конкурентного равновесия, ее члены держались убеждения, что реальный рынок эффективен по критерию Парето и не требует государственного вмешательства, тем более что коалиция политиков, избирателей и бюрократов также действует весьма неэффективно.

С точки зрения динамической австрийской концепции рынка, позиции обоих этих лагерей в высшей степени уязвимы.

В отношении чикагских моделей австрийцы отмечают, что те основываются исключительно на следующих исходных предположениях: равновесие, максимизация и постоянство. Австрийцы утверждают, что, прежде чем делать вывод о том, что реальная ситуация очень близка к модели равновесия, чикагским теоретикам следовало бы разработать теорию реального рыночного процесса, которая бы объясняла, чем этот процесс напоминает равновесие, если он его вообще напоминает. Иными словами, вера представителей чикагской школы в то, что модель конкурентного равновесия достоверно описывает реальный мир, слишком утопична; они безо всякой необходимости оставляют фланги открытыми для идеологических противников из первого лагеря, в некотором смысле более реалистичных.

Но и неоклассические теоретики провалов рынка, с австрийской точки зрения, допускают существенные ошибки. Они не замечают динамических эффектов координации, осуществляемого предпринимателями, которые проявляются на реальном рынке. Эти теоретики предполагают, что с помощью государственного вмешательства каким-то образом можно приблизиться к идеалу общего равновесия, как если бы плановые органы на самом деле могли получить информацию, которая в действительности им принципиально недоступна. Австрийцам теоретики провалов рынка не кажутся утопистами, напротив, некоторые из них считают мир куда худшим местом, чем он есть на самом деле. Но, сделав центром анализа равновесие, пусть даже в качестве ориентира, они упускают из виду происходящий на рынке реальный процесс координации и тот факт, что столь критикуемое ими неравновесие не является проявлением ни несовершенства, ни провалов рынка, а фактически представляет собой самую естественную черту реального мира и что в любом случае реальный рыночный процесс превосходит все доступные для человека альтернативы.

Таким образом, если оставить в стороне теорию общественного выбора, то, с точки зрения экономистов австрийской школы, в подходе теоретиков провалов рынка имеются две основных теоретические проблемы: во-первых, они

не учитывают, что интервенционистские меры, предлагаемые ими с целью приблизить состояние реального мира к модели равновесия, крайне вредны для предпринимательского процесса координации, происходящего в реальном мире; и, во-вторых, они предполагают, что тот, кто осуществляет государственное вмешательство, может иметь доступ к принципиально недоступной информации.

Австрийские теоретики предлагают выйти за пределы двух равновесных подходов (предлагаемых чикагской школой и теоретиками провалов рынка), перенеся фокус экономических исследований на динамический процесс предпринимательской координации, который в конечном счете и обеспечивает движение к состоянию равновесия, хотя в реальной жизни это состояние недостижимо. Тогда в фокусе исследования окажется не модель равновесия, а анализ динамики, т.е. исследование рыночных процессов, что позволит избежать серьезных пороков обеих разновидностей неоклассического подхода.

Два примера, из микро- и макроэкономики, помогут прояснить это предложение австрийцев.

Первый пример — это современное развитие теории информации, которое, по версии чикагской школы, началось с плодотворной статьи Стиглера «Экономическая теория информации» (Stigler 1961; Стиглер 1995). Стиглер и его последователи из чикагской школы рассматривают информацию объективно, т.е. как товар, который продают и покупают на рынке с учетом издержек и выгод. Эти теоретики признают, что в реальном мире существует неведение, но утверждают при этом, что оно всегда существует на «оптимальном» уровне, так как поиск новой информации, объективно говоря, заканчивается, только когда предельные издержки оказываются выше предельного дохода.

Теоретики провалов рынка во главе с Гроссманом и Стиглицем, в соответствии с характерным для них подходом, дают иной экономический анализ информации. У них получается, что реальный мир пребывает в состоянии неэффективного равновесия, в котором они выделяют следующий «провал»: поскольку экономические агенты считают,

что цены являются эффективным носителем информации, возникает эффект «безбилетника», в силу которого экономические агенты не заботятся о частном приобретении нужной им дополнительной информации, потому что она стоит дорого. Эти теоретики делают очевидный для них вывод: рынок склонен производить неэффективно малый объем информации, что оправдывает вмешательство государства, когда выгоды превосходят издержки на отслеживание ситуации и пр. (Grossman and Stiglitz, 1980).

Как мы отметили в начале этой книги, с позиции австрийской школы, принципиальной проблемой обоих подходов является то, что они рассматривают информацию как нечто объективное, как если бы информация где-то «хранилась» (хотя порой никто не знает где). В отличие от теоретиков двух неоклассических направлений, австрийцы полагают, что информация, или знание, всегда субъективна и не может быть данной, потому что предприниматели постоянно ее создают или порождают в ходе выявления возможностей прибыли, что происходит, когда в непрерывно меняющейся конфигурации рыночных цен находят незамеченные прежде рассогласованность или несоординированность. Таким образом, предпринимательская информация не может распределяться с учетом издержек и выгод, потому что, пока предприниматели ее не откроют, ее ценность никому не известна. Более того, раз невозможно осуществить максимизирующее распределение (с учетом издержек и выгод), весь предлагаемый чикагской школой анализ информации рассыпается как карточный домик.

К тому же, пока свободное предпринимательство осуществляется без помех или запретов, нет оснований полагать, что рынок «недопроизводит» информацию, потому что отсутствуют критерии, по которым можно было бы оценить, насколько объем информации, реально создаваемой рынком, меньше «оптимального». Здесь непосредственно применим австрийский анализ теоретической невозможности социализма, в соответствии с которым надзорный орган никогда не сможет превзойти творческую предпринимательскую способность экономических агентов, являющихся главными

движущими силами рыночных процессов. Как известно, падере Хуан де Мариана еще в период испанского золотого века провозгласил, что слепой не может быть поводырем зрячих (даже если зрение последних «несовершенно» или они видят только одним глазом).

Второй пример, помогающий понять австрийское предположение, — это разные теоретические предположения ученых относительно рынка труда. Как известно, теоретики чикагской школы неоклассической макроэкономической теории подвергли резкой критике иррациональность кейнсианского допущения о том, что ставки номинальной заработной платы негибки к понижению. Мы уже видели, что члены чикагской школы рассматривают существующее на рынке неведение как, по определению, «оптимальное». Иными словами, безработный остается безработным, потому что предпочитает продолжить поиск более подходящей работы, чем принять то, что ему предлагают, откуда делается вывод о том, что на реальном рынке не может существовать вынужденной безработицы. Они также делают вывод о существовании экономических циклов, оказывающих влияние на занятость, причиной чего может быть либо ряд неожиданных изменений объема денежной массы, мешающих агентам четко отличать происходящие по реальным причинам изменения относительных цен от порождаемых инфляцией изменений общего уровня цен (Lucas 1977), либо просто внезапное появление внешнего предложения, или реальных шоков (Kydland and Prescott 1982).

Со своей стороны, неокейнсианцы (Shapiro and Stiglitz 1984; Salop 1979) разработали разные модели безработицы в состоянии равновесия, основанные на максимизирующем поведении агентов, действующих в окружении, в котором подтверждается гипотеза «эффективной заработной платы». Согласно этой гипотезе, не производительность определяет ставки заработной платы, а, наоборот, ставки заработной платы определяют производительность. Иными словами, чтобы поддерживать заинтересованность своих работников, предприниматели устанавливают ставки заработной платы на слишком высоком уровне, при котором рынок труда

не расчищается. И в этом случае, с позиций динамической австрийской концепции рынка, оба подхода совершенно неадекватны. Считать, как это делают чикагские теоретики, всю безработицу «добровольной» крайне нереалистично, поскольку тем самым предполагается, что реальные процессы координации, образующие суть рыночного процесса, уже завершены, а потому достигнуто и конечное состояние покоя, описываемое моделью равновесия. На самом деле реальный рынок пребывает в постоянном состоянии неравновесия, и даже при отсутствии институциональных ограничений (законы о минимуме заработной платы, вмешательство профсоюзов и пр.) вполне возможно, что многие люди, которые были бы рады работать на определенных предпринимателей (а те с радостью приняли бы их на работу), остаются безработными, и им так и не суждено встретить этих предпринимателей, а если они и пересекутся, то не сумеют воспользоваться взаимовыгодной возможностью заключить договор о найме — просто в силу недостатка предпринимательской бдительности.

Что же касается теоретиков гипотезы «эффективной заработной платы», представление о том, что в отсутствие юридических или профсоюзных ограничений состояние вынужденной безработицы может — из-за «эффективной заработной платы» — длиться сколь угодно долго, прямо противоречит предпринимательскому желанию нанимателей и наемных работников получать прибыли и избегать убытков. В самом деле, если бы рабочие потребовали слишком высокую заработную плату и, как следствие, не смогли бы найти работу, они снизили бы свои требования; точно так же и в случае предпринимателей: если бы кто-то переплачивал своим рабочим, чтобы они были довольны, а позднее бы обнаружил, что может нанять таких же или даже более толковых работников за меньшие деньги, в конце концов он вынужден был бы изменить стратегию по доброй воле или под давлением, чтобы выжить на рынке. Более того, мы даже не упомянули, что неокейнсианцы проглядели то, какие серьезные последствия для занятости имеет государственное вмешательство в работу рынка труда, понимаемого как динамический процесс.

С позиций австрийской школы, экономические циклы не являются ни чисто экзогенными явлениями (вызываемыми неожиданными внешними изменениями, реальными шоками и т.п.), как полагают чикагские теоретики, ни чисто эндогенными (провоцируемыми негибкостью номинальной или реальной заработной платы или эффективной заработной платой), как считают кейнсианцы. Для австрийцев, как нам известно, причины экономических циклов кроются в определенных денежно-кредитных институтах (банковское дело с частичным резервированием под управлением центрального банка). Хотя сегодня эти институты считаются чисто рыночными, они не возникли в ходе естественного развития, а были навязаны извне и порождают значительную рассогласованность в процессе межвременной рыночной координации (Huerta de Soto 2006; Уэрта де Сото 2007).

Поэтому можно сделать вывод, что динамическая австрийская концепция рынка сглаживает недостатки и смягчает крайние выводы двух течений теории равновесия (чикагской школы и некейнсианства), а также привносит в анализ элемент реализма, позволяющего обойти порождаемые обоими вариантами неоклассического подхода серьезные ошибки в теории и экономической политике.

Поэтому неудивительно, что современная экономическая наука, в которой господствует математический язык обеих ветвей теорий равновесия, по общему мнению, переживает глубокий кризис. Можно выделить следующие главные его причины: во-первых, акцент на исследование состояний равновесия, не имеющих ничего общего с реальностью, но зато являющихся единственными состояниями, которые поддаются математическим методам анализа; во-вторых, полное пренебрежение ролью динамических рыночных процессов и реальной конкуренции, либо их исследование ведется под неправильным углом зрения; в-третьих, недостаточное внимание роли, которую играют на рынке субъективная информация, знание и процессы обучения; и, в-четвертых, неразборчивость в использовании макроэкономических агрегатов и сопутствующее пренебрежение исследованием процессов координации пла-

нов индивидуальных участников рынка. Все эти факторы объясняют царящее в экономической науке непонимание наиболее острых проблем реальной экономической жизни нашего времени, а также состояние кризиса и падение престижа нашей науки. У всех вышеперечисленных факторов есть один общий источник: нереалистичность допущений и попытка применить методологию, характерную для естественных наук, в науках о человеческой деятельности, в области, им совершенно чуждой. Именно состояние кризиса экономической науки объясняет также и начавшееся в 1974 г. мощное возрождение австрийской школы экономической теории, члены которой смогли, имея в виду необходимость перестройки нашей дисциплины, предъявить альтернативную парадигму, гораздо более реалистичную, логически последовательную и плодотворную.

7.2. Ротбард, Кирцнер и возрождение австрийской школы

Присуждение в 1974 г., через год после смерти Мизеса, Нобелевской премии по экономике Ф. А. Хайеку, его самому блестящему ученику, и растущее недоверие к кейнсианской макроэкономической теории и ее интервенционистским рецептам — ситуация, впервые ставшая очевидной в период стагфляции 1970-х, — придали новый импульс доктринальному развитию австрийской школы (Kirzner 1987, 148—150).

Ведущую роль в этом возрождении австрийской школы сыграли два самых блестящих американских ученика Мизеса — Мюррей Ротбард и Израэл Кирцнер.

Ротбард родился в 1926 г. в Нью-Йорке, в семье еврейских иммигрантов из Польши. Докторскую степень он получил в Колумбийском университете (Нью-Йорк), где учился под руководством своего соседа, знаменитого экономиста Артура Бернса. Ротбарду повезло стать участником семинара, который в то время Людвиг фон Мизес проводил в Нью-Йоркском университете, и он сразу выдвинулся в число его самых молодых, одаренных и многообещающих учеников.

Со временем Ротбард стал профессором экономики в Нью-Йоркском политехническом институте, а позднее в Невадском университете, штат Лас-Вегас, где и преподавал вплоть до своей внезапной смерти 7 января 1995 г. Ротбард был одним из самых последовательных, разносторонних и настойчивых мыслителей австрийской школы, занимавшихся разработкой естественно-правового философского фундамента экономического либерализма. Он опубликовал более двадцати книг и сотни статей, включая важные работы по экономической истории, такие как «Великая депрессия в Америке» (Rothbard 1975), и по экономической теории, например «Человек, экономика и государство» (Rothbard 1993), а также «Власть и рынок» (Rothbard 1977; Ротбард 2002; Ротбард 2007). Кроме того, недавно издательство «Эдвард Элгар» опубликовало в Англии книгу «Логика деятельности», двухтомную антологию основных статей Ротбарда по экономической теории (Rothbard 1997). То же издательство осуществило посмертную публикацию двух томов монументальной работы Ротбарда «Австрийский взгляд на историю экономической мысли» (Rothbard 1995a, 1995b).

Израэл Кирцнер родился в Англии в 1930 г. и после ряда семейных пертурбаций перебрался в Нью-Йоркский университет для изучения делового администрирования. Также случайно (для получения степени нужно было набирать баллы в зачетную книжку, и он решил походить на семинар профессора с самым большим числом публикаций, которым оказался Мизес) он вошел в контакт с великим австрийцем и стал еще одним усердным участником мизесовского семинара. Более того, Кирцнер понял, что его призвание — преподавать, и стал профессором экономики в том же институте, где незадолго до этого получил докторскую степень. Кирцнер специализировался в развитии динамического понимания предпринимательства и в изучении координационной функции предпринимательства на рынке. Он опубликовал несколько значительных книг на эту тему, в том числе «Конкуренция и предпринимательство» (Kirzner 1973; Кирцнер 2001; Кирцнер 2007), «Восприятие, возможность и прибыль» (Kirzner 1979)

и «Открытие и капиталистический процесс» (Kirzner 1985). Кроме того, в книге «Открытие, капитализм и распределительная справедливость» (Kirzner 1989) Кирцнер исследовал последствия применения его динамичной концепции предпринимательства для *социальной этики*. Наконец, он написал множество статей по австрийской экономической теории в целом и о предпринимательстве в частности и сумел в них представить очень четкое, вдохновляющее понимание роли предпринимательства в рыночных процессах, которое мы уже изложили в главе 2 этой книги.

В новом возрождении австрийской школы принимала участие большая группа молодых теоретиков из различных европейских и американских университетов. Среди американских университетов выделяются Нью-Йоркский (Марио Риццо и Израэл Кирцнер), университет Джорджа Мейсона (Питер Бёттке, Дональд Лавой и Карен Вон) и Обернский университет, шт. Алабама (профессора Роджер Гаррисон, Джозеф Салерно и Ганс-Герман Хоппе), а в других учебных заведениях мы видим, среди многих других, столь заметных австрийских экономистов, как Йорг Гвидо Хюльсманн, Джералд О’Дрисколл, Лоренс Уайт и Джордж Селгин. В Европе упомянем профессоров Стивена Литтлчайлда и Нормана Барри из Букингемского университета, профессоров Уильяма Кейзера и Геррит Мейджер в Голландии, профессора Раймундо Кубеду в Италии, профессоров Паскаля Салена и Жака Гарелло во Франции, профессора Хосе Мануэля Морейру из университета Оporto в Португалии, а в Испании к австрийской школе тяготеет растущая группа профессоров и исследователей, осознающих огромную ответственность, налагаемую признанием испанских корней школы (см. главу 3), которая быстро консолидируется и включает профессоров Рубио де Урквиа, Хосе Хуана Франка, Анхела Родригеса, Оскара Вару, Хавьера Аранзидель Керро и пр.

Кроме того, последние двадцать пять лет наблюдается значительный рост публикаций книг и монографий авторов, принадлежащих к австрийской школе экономической теории, а их статьи регулярно появляются в двух научных

журналах: *The Quarterly Journal of Austrian Economics*, публикуемом раз в квартал издательством *Transaction Publishers* в США, и *The Review of Austrian Economics*, выходящем дважды в год в издательстве *Kluwer Academic Publishers* в Голландии.

Наконец, регулярно собираются всевозможные международные конференции и семинары, дающие возможность обсудить новые идеи и достижения современной австрийской школы экономической теории. В них участвуют профессора и исследователи со всего мира.

7.3. Текущая исследовательская программа австрийской школы и ее предсказуемый вклад в будущее развитие экономической науки

Падение Берлинской стены, а с ней и реального социализма оказало глубокое влияние на господствовавшую до тех пор неоклассическую парадигму и общую ситуацию в экономической науке. Представляется очевидным, что экономика как наука потерпела серьезное поражение, потому что, за единственным исключением австрийской школы, экономисты не смогли предвидеть столь важное событие и дать его адекватный анализ. К счастью, благодаря пережитому конфузу у нас теперь есть возможность верно оценить природу и степень искажений, вносимых неоклассическими «теоретическими окулярами», которые до настоящего момента мешали большинству экономистов с достаточной ясностью видеть и понимать наиболее значительные события общественной жизни. Более того, нет необходимости осуществлять перестройку экономической науки «с нуля», так как многие необходимые аналитические инструменты уже разработаны и отшлифованы австрийскими теоретиками, которым с самого основания школы приходилось отстаивать, объяснять и уточнять свою позицию в постоянных дискуссиях с оппонентами-сциентистами.

Вряд ли можно здесь перечислить все области нашей дисциплины, затронутые сложившейся ситуацией, и уж тем

более не получится детально описать новое содержание, которое может принести вклад представителей австрийской школы, поэтому мы ограничимся рядом отдельных примеров.

Во-первых, следует отметить *теорию институционального принуждения*, развившуюся из австрийского анализа социализма. Мы уже объяснили, что каждый акт предпринимательства подразумевает открытие новой информации, ее распространение на рынке и согласование несоординированного поведения людей, и все это в рамках стихийного эволюционного процесса, который делает возможной жизнь в обществе. Поэтому ясно, что систематическое, институционализированное принуждение, сопутствующее социализму и интервенционизму (т.е. государственному вмешательству в рыночную экономику), в большей или меньшей степени блокирует не только создание и распространение информации, но и нечто еще более серьезное: стихийный процесс координации рассогласованного поведения и, таким образом, само сохранение скоординированного социального процесса. В общем, необходимость анализа рассогласованностей, создаваемых экономическим интервенционизмом всюду, куда он вторгается, открывает огромное новое поле для исследований.

Во-вторых, необходимо отказаться от распространенной функциональной теории образования цен и заменить ее *теорией цен*, объясняющей, как последовательный эволюционный процесс приводит к динамичному формированию цен. Движущей силой этого процесса служит предпринимательство, т.е. человеческая деятельность участников рынка, а не пересечения более или менее загадочных кривых или функций, которые в любом случае не имеют реального значения, потому что информация, предположительно необходимая для их изображения, даже не существует в умах участников.

В-третьих, следует отметить развитие австрийской теории *конкуренции и монополии*, которая призывает к отказу от топорной статической теории рынков, предлагаемой в стандартных учебниках, и замене ее теорией конкуренции,

понимаемой как динамический, чисто предпринимательский процесс соперничества. Такая теория делает неактуальными проблемы монополии в их традиционном понимании и выдвигает на первый план институциональные ограничения предпринимательства во всех сферах рынка. Более того, важным политическим следствием австрийского подхода к конкуренции и монополии является необходимость пересмотра всей антимонопольной политики и законодательства, которые, с австрийской точки зрения, оказываются ненужными и даже вредными (Kirzner 1998—1999, 67—77; Armentano 1972).

В-четвертых, как мы уже видели, *теория капитала и процента* находится под сильным влиянием субъективистского подхода австрийской школы. Необходимо опять ввести теорию капитала в состав университетских курсов экономики, чтобы преодолеть неадекватность макроэкономического подхода, игнорирующего микроэкономические процессы координации, происходящие в производственной структуре реальной экономики.

В-пятых, по мнению представителей австрийской школы, в ближайшем будущем наиболее трудной теоретической задачей для нашей науки может оказаться *теория денег, кредита и финансовых рынков*. С завершением теоретического анализа социализма наименее изученной и самой жизненно важной областью является сфера денег и кредита, где продолжают господствовать методологические ошибки, теоретическая путаница и систематическое принуждение центральных банков. Социальные отношения, включающие использование денег, наиболее абстрактны и трудны для понимания, а потому знание, порождаемое ими, отличается наибольшей обширностью, сложностью и трудноуловимостью, что в свою очередь делает вмешательство государства в этой области особенно пагубным и в конечном счете непосредственной причиной регулярных экономических спадов (Huerta de Soto 2006; Уэрта де Сото 2007).

В-шестых, *теория экономического роста и экономической отсталости*, опирающаяся на модели равновесия и макроэкономические агрегаты, была сформулирована без учета

единственных подлинных героев этого процесса: людей, их бдительности и творческой предприимчивости. Поэтому следует перестроить всю теорию роста и экономической отсталости, устранив элементы, служащие оправданием институционального принуждения и делающие эту теорию не только бесполезной, но и опасной. Необходимо сосредоточиться на теоретическом исследовании процессов обнаружения возможностей развития, которые остаются незамеченными из-за недостатка предпринимательского элемента, несомненно, являющегося ключом к преодолению экономической отсталости.

В-седьмых, те же соображения применимы к так называемой *экономической теории благосостояния*, которая основана на фантазмагорической концепции эффективности по Парето и в принципе бесполезна и не относится к делу, потому что может работать только в статичной ситуации, характеризующейся наличием полной информации, чего никогда не бывает в реальности. Соответственно эффективность зависит не от критерия Парето, а должна быть определена через способность предпринимательства к стихийному координированию рассогласованностей, возникающих в ситуациях неравновесия (Cordato 1992).

В-восьмых, *теория «общественных» благ* всегда была чисто статичной и строилась в рамках парадигмы равновесия, поскольку исходила из того, что обстоятельства, определяющие «совместимость предложения» и «неисключительность в потреблении», заданы и не изменяются. Однако с позиций динамической теории предпринимательства любой явный пример коллективного блага создает для кого-то возможность открыть и устранить ситуацию посредством предпринимательского творчества в правовой и/или технологической области. Поэтому, с точки зрения австрийской школы, множество общественных благ имеет тенденцию становиться пустым; тем самым во многих областях общественной жизни исчезает самое затасканное алиби, привлекаемое в оправдание государственного вмешательства в экономику.

В-девятых, отметим исследовательскую программу, развиваемую австрийскими теоретиками в области *теории*

общественного выбора и экономического анализа институтов и права. В настоящее время в этих областях исследователи пытаются избавиться от нездорового влияния статичной модели, основанной на предположении о полноте информации, — модели, которая у неоклассиков породила псевдонаучный анализ многих законов, опирающийся на методологические предположения, идентичные тем, которые в прошлом привлекались для оправдания социализма (полнота информации). Подобные предположения исключают динамический, эволюционный анализ стихийных социальных процессов, чьей движущей силой является предпринимательство. Представители австрийской школы видят явное противоречие в попытке анализа правовых норм и правил, исходя из парадигмы, которая, подобно неоклассической, предполагает неизменность окружения и полноту информации (безусловной или вероятностной) относительно издержек и выгод, вытекающих из этих норм и правил. В самом деле, если бы такая информация существовала, в нормах и правилах не было бы необходимости, так что было бы эффективнее заменить их простыми приказами. Собственно говоря, если что-то и может служить объяснением и обоснованием эволюционного возникновения права, то это именно свойственное людям неустранимое неведение.

В-десятых, достижения австрийских теоретиков в целом и Хайека в частности дали революционный толчок развитию *теории народонаселения.* Для австрийцев люди не однородный фактор производства, а множество личностей, наделенных врожденной способностью к предпринимательскому творчеству. Поэтому они рассматривают рост численности населения не как помеху экономическому развитию, а как его движущую силу и необходимое условие. Более того, было показано, что развитие цивилизации включает постоянный рост горизонтального и вертикального разделения практического знания, которое возможно только в условиях параллельного роста числа людей, достаточного для поддержания наращивания объема практической информации, используемой на социальном уровне (Huerta de Soto 1992, 80—82). Эти идеи были затем развиты учеными, на-

ходившимися под влиянием австрийской школы, такими как Джулиан Саймон, который применил их к теории роста населения в странах третьего мира и к анализу положительных экономических последствий иммиграции (Simon 1989, Simon 1994; Саймон 2005).

И наконец, в-одиннадцатых, достижения австрийской школы оказывают мощное влияние в области *теоретического анализа справедливости и социальной этики*. Замечательными примерами этого является не только предложенный Хайеком во втором томе сочинения «Право, законодательство и свобода» критический анализ концепции социальной справедливости, но и упомянутая выше работа Кирцнера «Открытие, капитализм и распределительная справедливость», где он продемонстрировал, что у каждого человека есть право на плоды его собственной творческой предприимчивости. В своем анализе Кирцнер развивает и доводит до конечных логических следствий подход к этому вопросу, предложенный ранее Робертом Нозиком (Nozick 1974; Нозик 2007). Наконец, один из самых блестящих учеников Ротбарда — Ганс-Герман Хоппе разработал априорное обоснование прав собственности и свободного рынка на основе принципа Хабермаса, согласно которому аргументация предполагает существование и признание собственности каждого человека на свое тело и личные качества. Основываясь на этом принципе, Хоппе логически выводит целостную теорию свободного рынка и капитализма (Норре 1989), которая дополняет обоснование свободы, исходящее из концепции естественного права, предложенное Ротбардом в ставшем уже классическим трактате «Этика свободы» (Rothbard 1998).

Можно было бы упомянуть и другие области исследований, в которых программа неавстрийской школы экономической теории, несомненно, даст плодотворные результаты. Но мы считаем, что уже в достаточной мере обозначили направление, в котором сможет двинуться в будущем экономическая наука, освободившись от теоретических и методологических изъянов, пока сковывающих ее развитие. В новом столетии широкое распространение австрийского

подхода обеспечит становление более обширной, богатой, реалистичной и внятной социальной науки, которая всецело будет служить человечеству.

7.4. Ответы на некоторые замечания и критику

Ну а теперь перейдем к ответу на ряд наиболее типичных критических выпадов против австрийской парадигмы и объясним, почему мы считаем их необоснованными. Чаще всего австрийцам предъявляют следующие критические замечания.

А) Два подхода (австрийский и неоклассический) не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Таков тезис тех неоклассических авторов, которые хотели бы сохранить эклектическую позицию и обойтись без прямого противостояния австрийской школе. Но австрийцы видят в этом не более чем прискорбное следствие нигилизма, типичного для методологического плюрализма, в соответствии с которым все методы приемлемы, так что у экономической науки остается только одно дело — выбор методов, наиболее пригодных для решения каждой конкретной проблемы. Австрийские авторы рассматривают эту позицию как попытку оградить неоклассическую парадигму от уничтожающей методологической критики. Тезис о совместимости был бы обоснован, если бы неоклассический метод (основанный на равновесии, постоянства и узких концепциях оптимизации и рациональности) соответствовал тому, как действуют люди в реальности, а не вел бы к искажению теоретического анализа, что ему, по мнению австрийцев, свойственно. Это объясняет необходимость переформулировать теоретические выводы неоклассиков с позиций динамической субъективистской австрийской методологии, выявить аналитически ущербные и отбросить их как несостоятельные. Ведь невозможно предположить, что неоклассическая парадигма способна вместить реалии человеческой жизни, которые, подобно творческой предприимчивости, не укладываются в концептуальные рамки ее категорий. Попытка уложить изучаемую австрийцами

субъективную реальность человеческой деятельности в прокрустово ложе неоклассической парадигмы неизбежно ведет либо к вопиющему ее пародированию, либо к благополучному краху неоклассического подхода и замене его более богатой и реалистичной, сложной и проясняющей концептуальной схемой, характерной для австрийской школы.

Б) Австрийцам не следует критиковать неоклассиков за использование упрощенных допущений, делающих реальность более легко постижимой.

В ответ на этот часто используемый аргумент австрийские экономисты возражают, что одно дело — упрощенное предположение и совсем другое — совершенно нереалистичное. Допущения неоклассиков не годятся именно потому, что противоречат эмпирической реальности, тому, как люди действуют и выражают себя (динамически и творчески). Не упрощенность, а фундаментальная нереалистичность неоклассических предпосылок ставит под сомнение, с точки зрения австрийцев, обоснованность теоретических выводов, к которым приходят неоклассики в результате анализа изучаемых ими проблем прикладной экономики.

В) Австрийцы не смогли формализовать свои теоретические построения.

Это единственный аргумент, выдвинутый Стиглицем в недавнем критическом анализе моделей общего равновесия (Stiglitz 1994, 24—26). Мы уже объяснили, почему большинство австрийских экономистов с самого начала очень скептически относятся к использованию математического языка в нашей науке. Австрийцы рассматривают использование математики, скорее, как порок, а не достоинство, потому что этот символический язык был разработан для нужд логики, естественных наук и инженерного дела. Во всех этих областях нет ничего похожего на субъективное время и творческую предприимчивость, а потому в математических построениях отсутствуют самые главные особенности людей, являющихся главными фигурантами изучаемых экономикой социальных процессов.

Более того, нет никакой уверенности в том, что математики когда-либо справятся с задачей разработки совершенно новой «математики», которая позволит анализировать творческую способность человека во всем ее разнообразии. Для этого им пришлось бы отказаться от заимствованных ими в физическом мире постулатов постоянства, лежащих в основе всех известных математических языков. С нашей точки зрения, идеальным научным языком для анализа этой творческой способности является именно тот язык, который люди стихийно и постепенно развили в своей повседневной предпринимчивой деятельности и который нам известен в форме различных вербальных языков, используемых сегодня в мире.

Г) *Австрийцы проводят очень мало эмпирических исследований.*

Чаще всего австрийскую школу критикуют именно за это. Хотя австрийцы очень внимательны к истории, они признают, что их научная деятельность разворачивается в другой области, в области теории, и что, с их точки зрения, сначала нужна теория, а уж потом ее можно применять к реальности или иллюстрировать историческими событиями. По сути дела, австрийцы считают, что имеет место перепроизводство эмпирических данных и сравнительная нехватка теоретических исследований, облегчающих понимание и истолкование реальности. Более того, хотя методологические предположения неоклассической школы (равновесие, максимизация и постоянство предпочтений) вроде бы полезны для эмпирических исследований и сопоставления теорий, они часто маскируют истинные теоретические взаимосвязи, так что могут привести к серьезным ошибкам в теории и истолковании того, что происходит на деле в данный момент или в данных исторических обстоятельствах.

Д) *Австрийцы пренебрегают экономическим прогнозированием.*

Мы уже видели, что австрийские теоретики весьма сдержанны и осторожны в отношении возможности научного пред-

сказания будущих событий в экономической и социальной области. Они предпочитают заниматься разработкой концепций и теоретических законов, позволяющих истолковывать реальность и помогающих действующим людям (предпринимателям) принимать решения с большими шансами на успех. Австрийцы делают только качественные «предсказания» и формулируют их в строго теоретических терминах, но, как ни парадоксально, на практике именно реализм их допущений (динамические процессы предпринимательского творчества) позволяет делать значительно более точные «предсказания» в области человеческой деятельности, чем получается у их неоклассических коллег. Примерами могут служить предсказание краха реального социализма, неявно содержащееся в данном Мизесом анализе невозможности социализма, и предсказание краха 1929 г. Любопытно, что неоклассические экономисты не предвидели этих грандиозных исторических событий.

Е) *У австрийцев нет эмпирических критериев для проверки истинности своих теорий.*

Согласно этой критике, часто звучащей со стороны эмпириков, страдающих комплексом Фомы Неверующего («пове-рю, когда увижу»), только эмпирическая проверка позволяет надежно выявлять несостоятельные экономические теории. Как мы уже знаем, этот подход пренебрегает тем фактом, что в экономической науке эмпирические свидетельства всегда противоречивы, потому что относятся к сложным историческим явлениям, не поддающимся проверке в лабораторных условиях, в которых значимые явления можно было бы изолировать, а все остальные факторы оставались постоянными. Иными словами, законы экономики — это всегда законы при прочих равных условиях (*ceteris paribus*), потому что в реальной жизни предположение о постоянстве всегда оказывается ложным. Австрийцы утверждают, что для проверки истинности теорий совершенно достаточно непрерывного устранения ошибок в цепочке логически-дедуктивных аргументов путем анализа и исследования различных шагов в формулировании теорий и чрезвычайной тщательности,

когда, в случае применения теории к реальным ситуациям, оказывается необходимым определить, верны ли стоящие за ними *допущения* в рассматриваемом историческом контексте. В силу единообразия логической структуры человеческого мышления предлагаемого австрийцами непрерывного процесса проверки истинности более чем достаточно для достижения интересубъективного согласия между учеными, чего, в случае эмпирических явлений, достичь достаточно трудно, потому что последние в силу своей сложности неизменно допускают самые разные и взаимоисключающие истолкования.

Ж) Австрийцы догматичны.

К счастью, благодаря поразительному возрождению австрийской школы в последние годы и распространению более точного знания о ней среди экономистов это обвинение звучит все реже. Но в прошлом многие неоклассические экономисты поддавались искушению отместить австрийскую парадигму, обвинив ее в догматичности и даже не сделав попытки как следует с ней ознакомиться или ответить на выдвигаемую австрийцами критику.

Брюс Колдуэлл относится к числу тех, кто подверг резкой критике это отношение неоклассиков, с порога отвергавших методологическую позицию австрийцев, даже не попытавшись в ней разобраться. Колдуэлл утверждает, что это отношение само по себе догматично и совершенно неприемлемо с научной точки зрения. Критикуя отношение Самуэльсона к австрийской школе, он задается вопросом: «Каковы причины такой почти антинаучной реакции на праксиологию? В этом есть, конечно, элемент практической заинтересованности: в случае принятия праксиологии профессиональным сообществом, человеческий капитал большинства экономистов резко уменьшится (или устареет). Но главная причина отторжения предложенной Мизесом методологии не в ее корысти. Попросту говоря, сосредоточенность праксиологов на «конечных основаниях» экономической теории должна казаться если не извращением, то глупостью тем экономистам, которые прилежно изучали методологию по

Фридмену, а потому совершенно уверены, что допущения не имеют значения, а ключевой вопрос — это предсказание. ...Независимо от причин такая реакция сама по себе догматична и, в сущности, антинаучна» (Caldwell 1994, 118—119).

Парадоксально, но настоящая заносчивость и догматизм присущи тому, как неоклассические экономисты обычно предъявляют свой подход, который они считают наиболее типичным для экономической науки, — подход, основанный на принципах равновесия, максимизации и постоянстве предпочтений. Тем самым неоклассики монополизировали понимание того, что они считают экономической наукой, и пытаются заткнуть рты теоретикам, которые, подобно австрийцам, представляющим альтернативную точку зрения, привержены более богатой и реалистичной парадигме и конкурируют с неоклассиками в области научных исследований. Мы надеемся, что в интересах будущего развития нашей дисциплины этот замаскированный догматизм (например, Becker 1995) окончательно исчезнет.

7.5. Заключение: сравнительная оценка австрийской парадигмы

То, как неоклассические экономисты обычно оценивают успех различных парадигм, соответствует их общей методологической позиции — все оценки строго эмпиричны и количественны. Например, главным доказательством своего «успеха» они обычно считают *число* ученых, разделяющих конкретную методологическую позицию. Часто ссылаются также на *число* конкретных проблем, которые удалось «разрешить» с помощью рассматриваемого подхода. Но «демократический» аргумент о числе ученых, разделяющих ту или иную парадигму, вряд ли убедителен (Yeager 1997, 153, 165). Дело не только в том, что, как свидетельствует история мысли, даже в естественных науках большинство ученых нередко заблуждалось; в экономической науке возникает дополнительная проблема: эмпирические свидетельства никогда не бывают бесспорными, а потому ошибочные доктрины не удается немедленно выявить и отвергнуть.

Более того, когда кажется, что основанный на равновесии теоретический анализ получает эмпирическое подтверждение, он потом долгое время воспринимается обоснованным даже при полной несостоятельности лежащей в его основе экономической теории. И даже если в конце концов теоретическая ошибка или дефект вскрываются, тот факт, что анализ имел отношение к решению конкретных исторических проблем, означает, что, когда проблемы перестают быть актуальными, допущенные при анализе теоретические ошибки остаются незамеченными большинством.

Кроме того, у многих групп (государственных органов, общественных лидеров и граждан в целом) сохраняется (и предположительно сохранится в будущем) наивная, но сильная потребность в конкретных предсказаниях и эмпирическом, «операциональном» анализе, способном предложить меры экономической и социальной политики. Поэтому неудивительно, что рынок удовлетворяет этот спрос (так же, как спрос на гороскопы и астрологические прогнозы), поставляя публике многочисленных «аналитиков» и «специалистов по социальной инженерии», которые со всей научной респектабельностью снабжают своих клиентов тем, в чем те нуждаются.

Мизес, однако, верно заметил: «Появление профессии экономиста — следствие интервенционизма. Профессиональный экономист — это специалист, который разрабатывает различные меры государственного вмешательства в производство. Он является экспертом в сфере экономического законодательства, которое сегодня неизменно направлено на создание препятствий на пути действия рыночной экономики» (Мизес 2005, 815). «Демократический» аргумент не имеет смысла, если профессиональные специалисты по государственному вмешательству в экономику должны определять конечную ценность парадигмы, которая, как в случае австрийского подхода, дискредитирует методологию, поддерживаемую этими специалистами. Более того, если признать, что в области экономической теории, в отличие от естественных или прикладных наук, возможны серьезные ошибки и откаты назад, то число успешно решенных практических

проблем нельзя считать надежным критерием теоретического успеха, потому что завтра может открыться, что кажущееся «правильным» с точки зрения результата опирается на ложную теорию.

Вместо эмпирических критериев успеха мы предлагаем *качественный критерий*. В соответствии с ним успех школы должен оцениваться по вкладу ее теоретических достижений в развитие человечества. И самой успешной будет школа, давшая в этом отношении больше других. При таком подходе очевидно, что австрийская школа превосходит неоклассическую. Австрийцы сформулировали теорию невозможности социализма, и если бы к ней вовремя прислушались, человечеству удалось бы избежать многих страданий. Более того, исторический крах реального социализма наглядно продемонстрировал обоснованность и огромную значимость австрийского анализа. Как мы уже отметили, аналогичную проницательность австрийцы проявили в случае Великой депрессии 1929 г. и во многих других, когда речь шла о разрушительных последствиях государственного интервенционизма. Примеры включают сферу денег и кредита, теорию экономических циклов, выдвижение динамической теории конкуренции и монополии, которая вытеснила статическую, теорию интервенционизма, утверждение новых критериев динамической эффективности, заменивших традиционный критерий Парето, критический анализ концепции «социальной справедливости» и, короче говоря, более точное понимание рынка как процесса социального взаимодействия, движущей силой которого является предпринимательство. Все вышперечисленное — примеры достигнутых австрийской школой существенных качественных успехов, резко контрастирующих с серьезными пороками неоклассической школы, члены которой, по их собственному признанию, не сумели понять теоретической невозможности социалистической экономики и предвидеть ее пагубные последствия. Шервин Розен, принадлежащий к чикагской школе, признал: «Случившийся в прошлом десятилетии крах системы централизованного планирования для большинства из нас стал полной неожиданностью» (Rosen 1997, 139—152). Был

захвачен врасплох и сам Рональд Коуз, сказавший: «Из того, что я знал или прочел, ничто не указывало на надвигающийся крах» (Coase 1997, 45).

Некоторые неоклассические экономисты, как, например, Марк Блауг, продемонстрировав немалое мужество, заявив о своем отказе от модели общего равновесия и статической неовальрасианской парадигмы. Блауг заключает: «Постепенно и крайне неохотно, но я все же пришел к выводу о том, что они [австрийская школа] правы, а мы все заблуждались [в вопросе о вальрасианском общем равновесии]» (Blaug and de Marchi 1991, 508). Позднее в связи с использованием неоклассической парадигмы для оправдания социалистической системы Блауг назвал ее «с управленческой точки зрения, наивной настолько, что она была решительно смелотворна. Повестись на весь этот вздор могли только люди, одурманенные статической теорией равновесия в условиях совершенной конкуренции. В 1950-х я оказался в числе тех, кто, будучи студентом, схавал все это, но сейчас могу только изумляться собственному идиотизму» (Blaug 1993, 1571).

Понятно, что, если мы хотим преодолеть инерцию, питаемую устойчивым общественным спросом на конкретные предсказания, формулы для государственного вмешательства и эмпирические исследования, потребляемые обществом вопреки тому, что, с теоретической точки зрения, они имеют серьезные изъяны, маскируемые эмпирическим контекстом, в котором трудно найти неопровержимые доказательства, необходимо развивать и распространять в нашей науке субъективистский австрийский подход. Поэтому *Methodenstreit* австрийской школы будет продолжаться до тех пор, пока в каждой конкретной ситуации люди будут выбирать идеи не по их теоретической обоснованности, а по обещанию что-то быстро изменить и пока будет преобладать традиционная заносчивость или пагубная рационалистическая самонадеянность рода человеческого. Именно в силу этой самонадеянности в каждой исторической ситуации люди исходят из того, что обладают куда более детальной и точной информацией, чем в состоянии когда-либо получить (Наук 1988; Хайек 1992). Наше единственное оружие в борь-

бе против этой опасной склонности человеческого мышления, склонности, которая проявляется вновь и вновь, — это разработанная теоретиками австрийской школы гораздо более реалистичная, плодотворная и гуманистическая методология, которая, будем надеяться, в дальнейшем сможет оказывать все большее влияние на развитие экономической науки.